

---

moral values: Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 // Collected legislation of the Russian Federation. 2022. No. 46, art. 7977].

3. Malko A. V. *Pravovaya kul'tura i antikul'tura kak parnye yuridicheskie kategorii* // *Pravovaya kul'tura*. [Legal culture and anticulture as paired legal categories // Legal culture] 2021. No. 2. Pp. 104–106.

Alexander Alexandrovich Ivanov
*Associate Professor of the department of
Constitutional and Administrative Law,
Tolyatti State University,
Candidate of Legal Sciences*

Александр Александрович Иванов
*Доцент кафедры
Конституционного
и административного права
Тольяттинского государственного
университета, кандидат
юридических наук
E-mail: Ale_iv@mail.ru*

Юридическая аномия в конституционных правоотношениях*

Juridical Anomie in Constitutional Legal Relations

Необычайно затянувшийся переходный период, длительный и сложный процесс поиска оптимальной для общества формы государства и права, который свойственен Российскому государству после отказа от социалистической модели развития, поднимает вопросы о взаимосвязи состояния социальной и юридической «безнормности» с результатом соответствующих конституционных реформ.

Тем не менее длительность соответствующих процессов преобразования отчасти позволяла государству сохранять определенную степень правовой преемственности, не допускать кардинального и одномоментного разрыва с предшествующей правовой традицией, что, безусловно, следует оценить скорее положительным образом, хотя это также несло и ряд специфических рисков.

Так, действующая Конституция РФ вступила в силу ровно через два года после отказа президента СССР от своих полномочий, Уголовный кодекс РФ был принят в 1996 г. — когда с распада единого государства прошло уже четыре с половиной года. А, например, механизмы «регуляторной гильотины» — новой системы контрольно-надзорного законодательства, предполагающей пересмотр и инвентаризацию во многом еще разработанных в Советском Союзе требований, которые проверяющие органы продолжали применять к современному бизнесу, были запущены еще через двадцать пять лет — только в 2021 г.

Использование исторического сравнения позволяет отметить, что, например, принятая в результате Октябрьского переворота Конституция РСФСР 1918 года начала действовать с 10 июля, т. е. длительность периода между приходом большевиков к власти и принятием новой конституции составила около восьми месяцев — ровно в три раза меньше, чем двухлетний период, в рамках которого современная Россия продолжала жить по Основному закону РСФСР 1978 г.

Что касается иной нормативной базы, то Декрет Совет Народных Комиссаров «О суде» уже 5 декабря (22 ноября) 1917 г. поставил соблюдение «законов свергнутых правительств» в зависимость от их соответствия «революционной совести и революционному правосознанию», что, конечно, на практике могло привести к ситуации произвола и беззакония. Соответствующее решение не было принято в России 1990-х гг., но советское законодательство также уже во многом не могло использоваться в связи

---

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176.
URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>.

с фактическим изменением тех общественных отношений, для регулирования которых оно было предназначено.

Отличие здесь заключается в том, что если правоприменительная практика образца 1918 г. приводила к произволу должностных лиц, то правоприменительная практика начала 90-х гг. XX в. приводила уже к безответственности граждан и организаций, деятельность которых соответствующие должностные лица не могли должным образом проконтролировать в виду отсутствия у них соответствующих историческому моменту нормативных предписаний.

Как пишет по этому поводу Л. Г. Берлявский, на примере стран Центральной и Восточной Европы, в целом, процессы конституционных преобразований склонялись к одному из трех возможных вариантов: либо постсоциалистические общества сразу же отменяли предшествующую конституцию и принимали новую (Чехословакия, Болгария, Румыния), либо для сохранения конституционной преемственности они оставляли прежний основной закон, в который вносилось множество изменений (Венгрия), либо же разрабатывались так называемые «малые конституции» — конституции переходного периода, регламентировавшие в своих нормах лишь небольшой перечень положений, касающихся взаимодействия между отдельными государственными органами (Конституция Польши 1992 г.) [1].

Нетрудно заметить, что действующая Конституция РФ 1993 г. не относится ни к одной из выделяемых в соответствующей классификации разновидностей. Так, она не была отменена сразу же после распада СССР, напротив, в Конституцию РСФСР 1978 г. продолжали вноситься поправки, которые должны были привести ее в соответствие с новым политическим режимом, подчас довольно значительные (от 21 апреля, 9, 10 декабря 1992 г.).

При этом процессы последующего конституционного развития (и разгорающейся в государстве политической борьбы) привели к появлению в 1993 г. сразу нескольких вариантов нового Основного Закона. Один из них («президентский») и был в итоге вынесен на всенародное голосование 12.12.1993.

Действующая Конституция не может быть отнесена и к разновидностям «малых» конституций переходного периода, поскольку она охватывает своими положениями как регулирование всех уровней публичной власти, так и вопросы конституционных прав и обязанностей человека, хотя, конечно, в специальной литературе и не редки предложения о необходимости добавить в текст Основного Закона ту или иную главу, связанную, например, с механизмами функционирования гражданского общества или избирательной системы в России.

История конституционного строительства в России, таким образом, вновь демонстрирует пример самобытного подхода, которыми так отличается наше государство.

Обстоятельством, позволяющим относить действующую Конституцию к категории конституций переходного периода, является то, что в своих нормах, в том числе, относимых к закреплению основ конституционного строя, она констатирует не сферу «ставшего», а сферу «становящегося».

В 1993 г. Россия была определена в качестве правового демократического государства, в котором права и свободы человека являются высшей ценностью. Но конституционный законодатель вовсе не описывал порядок, сложившийся к этому времени. Он говорил не о фактической ситуации, а о том, на какие позиции государству предстоит выйти в будущем, соответствующие положения, таким образом, могут быть охарактеризованы в качестве «норм-целей».

Нельзя говорить и о том, что соответствующий конституционный текст мог сразу привести к желаемому результату — это было бы проявлением правового идеализма.

Ориентация населения на поддержание общественной стабильности, некоторое преклонение перед Западом и его ценностями, существующее в момент формирования текста Конституции у политиков, не критическое отношение к соответствующим идеям

и конструкциям — все это сопутствовало принятию первой конституции постсоветской России и постепенно уходит в прошлое, в том числе в связи со сменой поколений россиян.

Поправка к Конституции 2020 г. демонстрирует появившийся и у власти, и у населения запрос на изменение текста Основного Закона, однако она же в значительной степени повысила уровень двусмысленности его положений, когда статьи глав первой и второй, не подлежащие изменению, фактически расходятся с теми нововведениями, которые теперь в Конституции появились.

Каким образом в сознании обывателя должны уживаться положения ст. 12, в соответствии с которой органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, и положения ст. 132, в соответствии с которой они же входят в единую систему публичной власти? Как соединить положения ст. 15, в соответствии с которой нормам международного права придается приоритетное значение, и ст. 125, согласно которой отечественный Конституционный Суд призван подтверждать возможность исполнения принятых на их основе межгосударственными органами решений? Непонятно соотношение между ст. 13, сообщающей об отсутствии государственной идеологии, и ст. 67.1 и 68 Основного Закона, говорящими об объединяющих функциях истории, памяти предков и государственного языка, откуда консервативная государственная идеология вполне прослеживается.

Можно прийти к выводу, что переходный характер действующей российской Конституции уже в значительной степени исчерпал себя и не соответствует как требованиям времени, так и фактически сложившимся в обществе отношениям. Расхождения, накопившиеся как между отдельными положениями Основного Закона, так и между положениями Конституции и реально происходящими социальными процессами, способны вызвать состояние юридической аномии — невозможности опереться на текст конституционного акта при решении практических проблем государственного строительства.

Выход может быть найден в разработке новой Конституции, не только задающей обществу ориентиры будущего развития, из которых не все смогут подтвердиться в будущем. Основной Закон должен ответить на насущные вопросы современных условий функционирования Российского государства, допуская вместе с тем должную степень гибкости при необходимости внесения в него изменений.

Пристатейный библиографический список

1. Берлявский Л. Г. Конституция в системе государственного права переходного периода // Государство и право. 2013. № 1. С. 109–112.

109

References

1. Berlyavskij L. G. Konstituciya v sisteme gosudarstvennogo prava perekhodnogo perioda // Gosudarstvo i pravo. [Constitution in the system of state law of the transitional period // State and law] 2013. No. 1. Pp. 109–112.